

Климов Михаил Юрьевич, к.ф.н., доцент кафедры физического воспитания, Алтайский госуниверситет, г. Барнаул, Россия

СПОРТ КАК ЯЗЫК

Аннотация. Статья рассматривает спорт как язык с точки зрения формальной организации. Анализ структурной лингвистики Ф. де Соссюра на примере шахмат, как модели языка. Шахматы как идеальная модель спорта. Спорт как языковая структура представленная правилами соревнований

Ключевые слова. Структурная лингвистика, шахматы как модель языка и спорта, спорт как язык.

В своей теории общей лингвистики, положившей в наиболее отчетливой и доказательной форме начало системному анализу и структурному изучению языков, Фердинанд де Соссюр оперирует многочисленными примерами, относящимися к сфере деятельности языка: сходство и различие гласных, системы ударения, сопоставление единственного и множественного числа в разных падежах и т.д. Но теория де Соссюра раздвигает границы языкознания, обосновывает универсальность и всеобщность языка как социального, общественного явления, поэтому для доказательства де Соссюр обращается и к иным научным материям: биологии, геологии, географии, истории и др. Часто встречающимся, можно сказать, любимым примером является шахматная игра. При помощи шахмат де Соссюр обосновывает свои основополагающие идеи, составляющие суть «Курса общей лингвистики».

Столь пристальное внимание, которое де Соссюр уделял шахматам, представляя их в качестве идеальной модели функционирования языка, объясняется основополагающими принципами его теории. Де Соссюр отдает предпочтение исследованиям языка, а не речи: «Надо с самого начала встать на почву языка и считать его нормой для всех прочих проявлений речевой деятельности» [11, с. 47]. Язык выступает как норма, основа в определении

существенного и несущественного в языковой деятельности. Де Соссюра интересует главным образом **форма** – структура языка, извлекаемая из текста, и мало занимает анализ речи. **Содержание** сообщения – всего лишь сырой материал, манифестация языковой структуры. Де Соссюр и шахматы рассматривает, прежде всего, как форму – с точки зрения системы и правил игры: «Шахматная игра целиком и полностью сводится к комбинации различных фигур на доске» [Там же: с.139]. Де Соссюра не интересует содержание и значение этих комбинаций, «сам процесс»: «Любая данная позиция характеризуется тем, что она совершенно независима от всего того, что ей предшествовало; совершенно безразлично, каким путем она сложилась, зритель, следивший за партией с самого начала, не имеет ни малейшего преимущества перед тем, кто пришел взглянуть на положение в партии в критический момент; для описания данной шахматной позиции совершенно незачем вспоминать о том, что происходило на доске десять секунд назад» [Там же: с.122]. Единственный пункт, по мнению де Соссюра, в котором сравнение шахмат и языка неудачно и не находит подтверждения в языке, касается содержания игры: «У шахматиста имеется намерение сделать определенный ход и воздействовать на систему отношений на доске, язык же ничего не замышляет – его «фигуры» передвигаются, или, вернее, изменяются, стихийно и случайно» [Там же: с.122].

Шахматную игру можно представить как идеальную модель языка. Сходные признаки семиотической структуры шахмат и языка, следующие:

1. В шахматной игре, как и в языке, действует неизменная система правил, не зависящая от воли играющих.

2. Язык – это структура, описываемая отвлеченно и представляющая собой совокупность отношений. Всякое **диахроническое** изменение устанавливает новое **синхронное** отношение между элементами. Также в шахматной игре система взаимосвязей между фигурами меняется с каждым ходом. Всякое вмешательство в систему меняет значение всех остальных фигур.

3. В языке можно выделить единицы первого членения, наделенные значением (**монемы**), которые в сочетании друг с другом образуют синтагмы; эти элементы первого ряда затем членятся на составляющие их элементы второго ряда. Это **фонемы**, и их меньше, чем **монем**. В шахматах **фонемам** соответствуют **фигуры**, а **монемам** – **ходы** этими **фигурами**. В языке, и в шахматах тоже, означивание совершается как взаимодействие единиц этих двух уровней.

4. В языке участник коммуникации составляет код из набора известных символов, комбинируя их согласно известным правилам в синтагматический ряд собственно и являющийся речью. В шахматах каждый играющий из ряда последовательных ходов выстраивает свой код; оба кода вместе составляют текст или содержание партии.

5. Более того, как в языке устную речь можно записать буквенными символами, текст шахматной партии также изображается графически при помощи специальной аннотации.

Теперь обратимся к спорту и рассмотрим его с тех же позиций, что язык. Спорт – прежде всего игра, но игра организованная и регламентированная в виде соревнования. Как всякая игра – это условность, соглашение, отграниченная от реальной, практической жизни. Момент организации игры оформляют правила соревнований. Спорт – это соревнование людей друг с другом, состязание в ловкости, силе, быстроте, гибкости тела и ума. Спорт так же – эстетическое действо, зрелище. Зрителей занимает не только телесное представление само по себе, но и волнует главный вопрос – кто окажется победителем в этой игре. Если следовать нашей теме, можно сказать, что спорт представляет собой условную, игровую систему, составляющую коммуникативную знаковую структуру, не имеющую практического, бытового значения. Отсюда вытекает такое определение: **спорт – это телесное соревнование по строго установленным правилам с целью определения победителя**. Именно тело, образуя значащий жест, представляет главное и особое содержание спорта

как семиотической системы. Спортсмен бежит, прыгает, меняет позу, наносит удар – все эти действия в то же время суть акты коммуникации, с чьей помощью он что-то говорит другим, между тем как другие по тем же действиям делают выводы о нем. Все действия спортсмена осуществляются в рамках правил, основным постулатом которых является предоставление равных условий соревнующимся. Все правила любого вида спорта предусматривают обязательное определение победителя.

Если представить некую идеальную модель спорта, где в «чистом» виде присутствуют все приведенные признаки – можно выделить шахматную игру в качестве таковой модели. Шахматы – такое же физическое состязание, только в качестве тела здесь представлены не ноги и руки, а ум и соревнование интеллектов. Такую телесную борьбу символизируют шахматные фигуры с бесконечным разнообразием ходов. Теперь перечислим характерные признаки, позволяющие представить шахматы как совершенную модель спорта с точки зрения формальной организации:

1. В спорте обязательно правило предоставления равных условий противникам. В шахматах оно идеально соблюдено: соперники обладают одинаковым набором шахматных фигур с идентичными свойствами (ходами). В других видах спорта физические габариты противников (рост и вес) могут различаться, подчас оказывая влияние на течение поединка. Даже в тех видах, где весовые показатели ограничены правилами: в тяжелой атлетике в пределах одной весовой категории, при одинаковом поднятом весе, победителем признается тот, кто весит меньше (даже несколько граммов), а в боксе, при равном весе, у одного из соперников могут быть руки длиннее.

2. Спортивные правила должны быть едины и соблюдаться неукоснительно. Шахматные правила не допускают произвольного толкования. Арбитр здесь фигура представительская и не вмешивается в игру. В других видах спорта существует субъективная оценка выступления спортсмена (фигурное катание, гимнастика), либо единые правила могут

интерпретироваться по-разному (футбольные английские судьи разрешают в рамках правил борьбу более контактную, чем европейские). Могут иметь место судейские ошибки (непреднамеренные, либо предвзятые), нарушающие объективный ход спортивного соревнования.

3. Спорт должен предоставлять всем участникам равные возможности для реализации. В шахматах так и есть: здесь борются между собой только два противника, каждый делает свой ход со строгой очередностью. В марафоне или велопробеге, например, соперников множество и не все успевают даже сделать свой ход – отставшие никак не влияют на содержание борьбы.

4. Спорт – закрытая система, огражденная от вмешательства извне. Это не всегда возможно соблюсти. Практически во всех видах спорта на течение спортивной борьбы могут влиять случайные, посторонние факторы: погода, состояние поля, неожиданная травма участника. В шахматах подобное маловероятно.

5. В спорте случаются и другие моменты, искажающие правильную картину соревнования. Так, в современном спорте большую проблему представляет допинг. Во-первых, он может оказывать влияние на ход спортивной борьбы. Во-вторых, в случае его обнаружения, результаты соревнования могут быть пересмотрены. В шахматах такого понятия пока не существует.

Шахматная игра, как идеальная модель спорта, обладает и несомненным признаком знаковой организации. В качестве знаков здесь представлены шахматная доска, шахматные фигуры и ходы этими фигурами. Следовательно, и любой другой вид спорта, где имеются спортивное поле, спортсмены и их действия, можно изобразить в виде знакового процесса, семиотической структуры.

Было бы заблуждением считать язык спорта особой самостоятельной системой, независимой и обособленной от универсального языка, как его толкует лингвистика в общефилософском плане. Спорт как язык может

существовать только на основе тех понятий, правил и категорий, которые он заимствует у естественного языка. Бенвенист отмечал: «Никакая другая система не располагает соответствующим «языком», с помощью которого она могла бы сама создавать свои категории (самокатегоризоваться) и самоинтерпретироваться в соответствии со своими семиотическими отличиями, тогда как язык в принципе может категоризовать и интерпретировать все, включая и самого себя» [2, с. 85].

Специфика спорта как языка состоит в следующем: язык можно квалифицировать как вербальный, естественный и универсальный, язык спорта является визуальным, искусственным и замкнутым на себе. Греймас отводит естественным языкам привилегированное положение в силу того, что они служат отправной точкой для преобразований и конечным пунктом для переводов [3, с. 17]. Вместе с тем, язык можно рассматривать как основу, или фундамент, – по выражению Леви-Стросса, – «предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемой в ее различных аспектах» [5, с. 74] (в нашем случае – семиотической структуры спорта).

Спорт может использоваться как язык в других областях культуры и общественной жизни, когда требуется выразить соревновательный, «спортивный» дух события или явления. Так, президентские выборы описываются спортивной терминологией: гонка, лидер, аутсайдер, промежуточный финиш. Кинофестивали организуются наподобие соревнования: судейское жюри, определение победителей, вручение наград. На эстраде составляются хит-парады по образу спортивных рейтингов и т.д.

Изучение спорта как семиотической структуры позволит по-иному взглянуть на сам язык. Де Соссюр говорил по этому поводу: « Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка. Благодаря этому не только прольется свет на проблемы лингвистики, но при

рассмотрении обрядов, обычаев и т.п. как знаков все эти явления также выступят в новом свете, так что явится потребность объединить их все в рамках семиологии и разъяснить их законами этой науки» [11, с 55].

В семиотической структуре спорта под формой мы понимаем правила соревнований, являющиеся по сути своей языком. Возьмем определение языка де Соссюра: «Язык – это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» [Там же: с.52]. Легко заметить, что **правила** вполне укладываются в рамки этого определения: в любом соревновании спортсмен должен совершать только действия, обусловленные **правилами**. Даже если два игрока гоняют мяч на пустыре, в отсутствие судей и зрителей, они руководствуются некой условной системой, виртуально существующей у каждого в сознании. Эта условная система, как и язык для говорящего, определяет их действия: если они перебрасывают мяч руками, то это – волейбол, если ногами – тогда футбол.

Спорт, на наш взгляд, представляет собой семиотическую структуру, наиболее полно приближенную к языку по способу действия. Это обусловлено тем, что основным формообразующим элементом спорта являются правила соревнований. В лингвистике основополагающим является представление языка как формы по отношению к мышлению. Еще В. фон Гумбольдт утверждал: «Понятие языка существует и исчезает вместе с понятием формы, ибо язык есть форма и ничего кроме формы» [4, с. 361]. Современная лингвистика исходит из тех же принципов: «Язык, как некоторая структура, по своей внутренней природе есть форма мысли, инструмент выражения значения» [10, с. 41-42]. Сепир вообще считал, что вся «лингвистика – это прежде всего исследование формы» [Там же: с. 250-251].

Таким образом, спорт имеет те же самые семиотические свойства, что и язык. Единственный пункт, который трудно привести к общему знаменателю

– двойное членение. Слишком разные виды объединяет спорт. Они существуют даже в разных природных условиях – на земле, на льду, на снегу и в воздухе и практически невозможно вычленивать единые первичные жесты или движения складывающиеся в код спортсмена. В некоторых видах (преимущественно циклического характера: бег, ходьба, плавание, лыжи и т. д.) общий код спортсмена образован простейшими движениями одинакового типа (шаг, гребок, прыжок). Такие движения тоже не могут быть приняты в качестве первичного кода, поскольку они не отличаются друг от друга, здесь не соблюден важнейший закон семиотики: знак должен противостоять другому знаку. Во многих других, особенно командных, такие первичные жесты даже не поддаются анализу. Впрочем, сама тема двойного членения весьма дискуссионная и требует отдельного обсуждения. Эко называет проблему типов членения в языке «мифом двойного членения». Это касается в первую очередь визуальных кодов, особенно искусства. В «методических целях», в качестве компромисса, Эко предлагает: «1) сохранять название «языка» за словесными кодами, для которых наличие двойного членения бесспорный факт; 2) считать прочие системы знаков «кодами», положив разобраться в том, существуют ли коды с большим числом членений» [12, с. 186].

Ю. М. Лотман также выделяет два типа текстов: текст как целостный знак и текст как последовательность знаков. Второй тип, хорошо изученный в лингвистических текстах, порой рассматривается в качестве единственно возможного. Однако Лотман подчеркивает: «в общей модели культуры существен и другой тип текстов, в котором понятие текста выступает не как вторичное, производное от цепочки знаков, а в качестве первичного. Текст этого типа не дискретен и не распадается на знаки. Он представляет собой целое и членится не на отдельные знаки, а на дифференциальные признаки» [6, с. 508]. К подобному типу первичных текстов Лотман относит такие современные звукозрительные системы массовой коммуникации, как кино и телевидение, а также более ранние по сравнению с ними живопись,

скульптура, танец (и пантомима), балет. Спорт, на наш взгляд, вполне вписывается в данный тип первичных текстов. Принципиальное различие между этими двумя случаями первичности текста Лотман видит в том, что «для звукозрительных систем передачи информации... первичным может быть *непрерывный* текст, тогда как в формализованных языках текст всегда может быть представлен как цепочка дискретных символов, задаваемых в качестве исходного алфавита» [6, с. 508].

Библиографический список:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М: Искусство, 1979.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М: Прогресс, 1974.
3. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М: Академический проект, 2004.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М: Прогресс, 1984.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. М: ЭКСМО-пресс, 2001.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2001.
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М: Искусство, 1994.
8. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М: Наука, 1983.
9. Прието А. Из книги «Морфология романа» // Семиотика: Антология. М: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 392-422.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М: Прогресс, Универс, 1993.
11. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М: Прогресс, 1977.
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Symposium, 2004.